

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОЛИВАЛЕНТНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

А.В. Шабага

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Исследования феномена поливалентности идентичности исторического субъекта, являющейся основой сохранения идентичности больших социальных групп, приобрели в последнее время особую актуальность в связи с усилением процесса глобализации и сопровождающей его трансформацией идентичности исторических субъектов. В статье анализируется проблема выделения детерминант формирования идентичности исторических субъектов, вариативность которых выступает основой для поливалентности.

Ключевые слова: исторические субъекты, идентичность.

К наиболее распространенным способам сохранения идентичности относятся, во-первых, сохранение самоназвания путем передачи его от поколения к поколению. В ряде случаев это весьма эффективный способ сохранения идентичности. Наибольшего результата он достигает у тех народов, которые в силу разных причин оказались рассеянными по земле: евреев, армян, цыган. Цыгане, наверное, самый показательный пример, ибо у них как у этноса в буквальном смысле нет родины. Лишь сравнительно недавно путем анализа языка цыган было установлено, что их предки были выходцами из Индии, однако у самих цыган нет представления об Индии как о своей родине [6].

Во-вторых, существует способ идентификации социальной группы по месту проживания. В этом случае название места выступает в качестве знака, по которому подчас и идентифицируют исторический субъект. Возьмем в качестве примеров, такие исторические субъекты, как Россия или Франция. Нет сомнений, что в определенный временной промежуток (например, с XVIII по XX в.) [10] Россия и Франция обладали всеми атрибутами исторических субъектов. Однако идентичен ли исторический субъект *Россия* на протяжении трех столетий? То же касается исторического субъекта *Франция* (или *французский народ*) — не очевидно, что француз XVI в. смог бы понять француза XXI в., даже не с точки зрения языка —

он изменился не настолько сильно, чтобы современный француз не смог понять своего предка, а прежде всего системы ценностей, которые на протяжении этого времени весьма различались. Если бы такая встреча каким-либо образом состоялась, то предок вполне мог бы определить ценностные изменения словами философа, согласно которым то, что ранее считалось пороком, теперь вошло в нравы. В силу этого, не сойдясь в предпочтениях, никто из них, скорее всего, не признал бы другого французом или, во всяком случае, «настоящим французом».

Таким образом, дело не только в языке, хотя лингвистический показатель весьма часто кладут в основу определения идентичности того или иного исторического субъекта. Этот критерий, в частности, использовал знаменитый французский король Генрих IV: известно о его претензиях на обладание всеми землями, на которых была распространена французская речь. Таким образом, на протяжении веков постоянно менялось содержание понятия *Франция*, так что критерий, которым Генрих некогда предлагал мерить идентичность, сегодня вряд ли будет признан годным.

Можно допустить, что большая часть населения Франции поддержит включение в состав своего государства (если это вдруг случится) франкоговорящую часть Бельгии и Люксембург. Возможно даже соотнести с Францией канадский Квебек, сепаратизм которого в свое время поддерживал Шарль де Голль. Но при этом весьма сомнительно, чтобы большинство современных французов включало в понятие *Франция* бывшие французские колонии в Африке, где многие по-прежнему говорят на французском, хотя их утрата еще недавно воспринималась французским обществом как крушение Франции. Можно сделать вывод, что взаимоотношения между означаемым и означающим исторического субъекта семантически неопределенны, потому что не всегда понятно, что имеется в виду при использовании того или иного знака. Например, с точки зрения внешней политики понятие *Франция* может означать и небольшую область вокруг Парижа (Иль-де-Франс), как это было в X в., и территорию от Пиренеев до Рейна и даже дальше, как это было в 1812 г. С внутрисполитической точки зрения Франция может быть королевством, империей и республикой (причем по несколько раз в каждом из этих состояний).

Как мы видим, даже при качественном изменении субъекта обозначающий его знак может оставаться прежним. Правда, для этого необходимо, чтобы сам субъект, как и его окружение, воспринимали произошедшие изменения как развитие предыдущего состояния, а не как прекращение существования и полную замену прежнего активного начала на нечто другое с совершенно иными ценностями и представлениями об организации социального пространства. Из этого можно заключить, что семиотические эпифеномены являются следствием той особенности исследуемого явления, которое следует назвать поливалентностью [9]. В терминологии Г. Фреге это будет выглядеть так: смысл имени (в нашем случае Франции) будет зависеть от того, какой денотат (королевство, республика или империя) ему приписывается [16]. Под *поливалентностью идентичности* подра-

зумеваются феномен одновременного отождествления исторического субъекта с ценностями социальных пространств, имеющих различные темпоральные характеристики. Природа этого явления заключается в том, что социогенотип (проявляющийся в родовой связи социальных хронотопов) у субъектов с разной темпоральностью может быть весьма схожим. И это обстоятельство дает основание в ряде контекстов считать их одним и тем же субъектом. Например, можно именовать *Францией* тот субъект, который расположен на территории, которую некогда завоевали потомки Меровея (т.е. примерно соответствующий римской Галлии), и не обращать внимания на то, что в разные времена там были разные ценности и разный социальный строй. Некоторые идут еще дальше, не принимая в расчет не только социопространственный, ценностный, лингвистический и иные критерии. Например, есть масса работ по истории Франции, которые включают в себя исследования тех периодов, когда до появления франков как племени (не говоря уже об их вторжении в Галлию) было не менее тысячи лет. Сообразно смыслу этих работ, субъект *Франция* был даже тогда, когда его еще не было. С лингвистической точки зрения эта ситуация хорошо описывается сосюрровским постулатом: несмотря на смену означаемого, означаемое может оставаться неизменным [13; 7]. Но, рассуждая подобным образом, легко прийти и к другому выводу. Ибо первой цивилизацией, существовавшей сорок тысяч лет назад на территории современной Франции была так называемая Мадленская. Из этого можно было бы даже заключить, что исторический субъект *Aeterna Magdalena* («Вечная Мадлен») существовал всегда.

Однако поливалентность исторического субъекта не является панвалентностью. И гипотетическая *Aeterna Magdalena* является лишь следствием географического детерминизма, проявления которого в виде геополитического подхода лежат в плоскости практической политики, а отнюдь не науки. Ибо не пространство формирует ценности и язык, а ценности и язык формируют пространство [1]. В этом смысле можно, например, говорить о франкоязычном пространстве (так называемой франкофонии), или испаноязычном, которое в настоящее время расширяется в США, сужая область распространения английского языка, что, по мнению известного алармиста С. Хантингтона, угрожает американской идентичности [18; 21], или о русскоязычном пространстве, существование которого тревожит многих политиков (или политиканов?), от Украины до Германии включительно [2]. Методологические основы подобного подхода были заложены В. Гумбольдом в первой трети XIX в. По представлениям В. Гумбольда, язык — не продукт деятельности (*ergon*), а сама деятельность (*energeia*), порыв (*Drang*) [5], которым народ выражает свои мысли и чувства, с тем чтобы потом воплотить их в жизнь. И в этом смысле не только Космос предопределяет идентичность того или иного субъекта, задавая ему те или иные пространственные характеристики [3], но и Логос преобразует Космос, придавая ему доселе небывалые черты своей социальной специфики. Продолжая эту мысль, скажем, что Логос может преобразовывать не только «чистый» Космос, но и тот, что некогда был изменен предшествовавшим Логосом. А это может приводить к несовпадению мнений относительно идентификационной принадлежности того или иного субъекта.

Разъясним это обстоятельство наиболее наглядным способом, подразумевая под Логосом прежде всего языковое пространство. В этом случае наличие несовпадений, которые мы способны выявить в описании некоего социального феномена (пусть это будет Франция XVIII—XX вв.), может быть объяснено двояко: либо одним знаком именуется разные исторические субъекты, либо существует определенное противоречие в его описании. Оно заключается в разнице между семиотическим подходом, имеющим онтологические корни в смысле референтной соотнесенности с территорией, государственным строем и т.п., и лингвистическим, опирающимся на культурную традицию.

После распада колониальных империй несоответствия между лингвистическим аспектом идентичности и историческим отнюдь не редкость для великого множества субъектов. Целые континенты говорят на языках своих прежних завоевателей. А из этого, как правило, следует, что и социальные институты бывших колоний копируют соответствующие институты метрополий, т.е. язык часто является индикатором ориентации исторического субъекта на тот или иной путь развития своего социального пространства. Причем не обязательно это относится к субъектам, некогда подчиненным политически. Подобные процессы могут быть связаны с иными — неполитическими — способами влияния (культурным, экономическим и т.п.). Например, в XVIII—XIX вв. тон в Европе задавала Франция и все, кто хотел стать образованным человеком, учили французский и стремились к идеалам свободы. В XX в. на первый план выдвинулись англо-саксонские страны (прежде всего США и Англия), и все стали изучать английский и бороться за демократию. Из этого можно сделать вывод, что масса социальных революций, вспыхнувших в Европе в XIX—XX вв., имеет определенное отношение к тому, что франкофонное лингвистическое пространство, которое в той или иной степени включало в себя наиболее образованных европейцев того времени, способствовало усвоению французских представлений о социальном идеале и способах его достижения. Борьба французов за приоритет нации, за свободу, равенство и братство привела их к кровавой диктатуре и завоевательным походам против других народов. Эти идеи благодаря тому, что они были написаны на самом известном тогда языке, распространились по всей Европе, и революционеры Германии, Австрии, России, Италии, Испании, идентифицируя себя с решительными якобинцами, заставили свои народы повторить печальный опыт Франции.

Далее можно вспомнить, что категория «свобода» в пространстве, где присутствовала (если не господствовала) парадигма французских революционеров, посредством дизъюнкции нередко соединялась с категорией «смерть» (1). В то же время сочетание категории «демократия» с категорией «смерть» с помощью этой логической операции не известны. Объяснение такого положения вещей заключается в том, что уже на ранних этапах своей истории люди пришли к пониманию того, что смерть освобождает, а демократия налагает ответственность. Поэтому, рассматривая ситуацию XVIII—XX вв., можно предположить, что, если бы место французского языка в Европе было занято английским, сам характер социальных революций имел бы другой характер, поскольку в качестве социального образца

фигурировала бы Английская революция 1648 г. Ее главным отличием от Великой французской была направленность не на достижение равенства, а на обретение демократии. А это весьма важное отличие, ибо радикальные идеологи французской революции взялись подравнивать своих граждан в духе небезызвестного великана Прокруста.

Продолжая рассуждать на тему о влиянии знаков и названий на идентичность исторического субъекта, обратимся к топонимическому эпифеномену. Его значение весьма велико. Достаточно обратить внимание на то, что топонимические особенности названий разных народов, стран, государств и регионов нередко имеют явную декларативную направленность. Ее смысл заключается в указании на их идентификационную принадлежность. Возьмем, например, идентификационное противопоставление «Запад — Восток», которое блестяще заострил Р. Киплинг в своих афористичных строках: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Здесь поэтически очерчен идентификационный феномен, имеющий чуть ли не двухтысячелетнюю историю. Это противопоставление, которому обычно придают социально-культурную окраску, рассматривая в контексте борьбы цивилизаций, сохраняется до сих пор.

Существуют и другие идентификации по сторонам света. Рассматривая взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами (особенно в контексте теории о «золотом миллиарде»), зачастую противопоставляют богатый Север бедному Югу. Используя эту парадигму, некоторые исторические субъекты (например, Движение неприсоединения) прибегают к довольно затейливым идентификационным конструкциям, рекомендуя в настоящее время, развивать сотрудничество по линии «Юг — Юг» [11].

Впрочем, идентификация субъекта согласно его географическому положению в пространстве, противопоставляющая одну часть региона другой, совсем не редкость. Рассмотрим в этой связи пример страны, которая вынужденно вводит для обозначения двух своих частей географические определения. Ответ на вопрос, почему Северная Осетия продолжает называться Северной, очевиден: пока есть Северная, существует и Южная Осетия, а не Самочобло, как ее недавно пытались называть в Грузии, стремясь идентифицировать эту территорию в качестве исконно грузинской. На этом примере видно, что посредством топонимики можно определить весьма важный аспект, связанный с проблемой идентичности исторического субъекта. Но этот пример далеко не единственный. Для России ряд островов на юге Курильской гряды имеют название Южных Курил, что является прямым указанием на их принадлежность ко всей гряде. Для Японии те же острова имеют название Северных территорий, что подразумевает их принадлежность к «южным островам», на которых, собственно, и располагается Япония. Иными словами, как осетины и грузины в первом случае, так русские и японцы во втором полагают, что утрата ими части территории, на которую они претендуют, является умалением их национальной и государственной идентичности. И в попытке отстаивания и обоснования своей идентичности во всей полноте, заинтересованные стороны прибегают к топонимическим аргументам, смысл которых обычно заключается

в стремлении доказать автохтонность или приоритет своего этноса над оспариваемой территорией.

Подведем итоги. С формальной точки зрения идентичность означает тождество с чем-то. В принципиальном отношении — равенство самому себе (если исходить из посылки, что каждый объект или феномен представляет собой уникальное явление). Однако социальная идентичность, или точнее, идентичность исторических (социальных) субъектов, имеет сложную природу, которую наиболее удачно можно описать, используя понятие поливалентности. Субъект поливалентен в том смысле, что он способен к одновременному соотнесению себя с разнопространственными и разновременными социальными сущностями. Смена идентичности возможна либо в процессе накопления критической массы внутренних изменений, связанных с процессами, происходящими в самом субъекте, либо как результат взаимодействия субъекта с иной средой (как социальной, так и природной). Природа этой смены заключается в том, что исторический субъект представляет собой ментальный феномен. Разумеется, он связан с конкретным пространством и временем, но эта связь носит по большей части характер коннотата. Ибо проявление и существование исторического субъекта связано преимущественно с ментальными процессами. Они выражаются в признании обществом за некими социальными феноменами статуса исторического субъекта и приписывании им определенных свойств. Говоря о пространстве и времени как о коннотате, следует иметь в виду, во-первых, что на одном пространстве в разное время могут быть разные исторические субъекты. Во-вторых, в одно время, но в различных местах тоже могут быть разные исторические субъекты. В-третьих, разные исторические субъекты могут совпадать как во времени, так и в пространстве.

Исходя из этого, можно заключить, что ментальный характер исторического субъекта тесно связан с социальной памятью. Ибо именно память удостоверяет, что в тот или иной промежуток времени мы имеем дело с одним и тем же историческим субъектом. Размерность этих временных отрезков может сильно различаться. Отметим, кстати, что социальная память не всегда успевает зафиксировать коренные изменения, произошедшие в историческом субъекте. Этот эффект связан с тем, что основой социальной памяти является индивидуальная память с ее образным представлением действительности и необходимостью определенного времени (лага) для того, чтобы один образ был вытеснен другим. Советский Союз за весь период его существования многие упорно называли Россией, равно как и сейчас письма из-за рубежа иной раз адресуют в СССР. Этот эффект можно определить как своеобразный «рецидив» социальной памяти. При этом вытеснение одного образа другим редко происходит полностью. Обычно мы имеем дело с наложением одного образа на другой. Исторический субъект, именуемый сегодня Монголией, как ассоциативно, так и сущностно связан с Монгольским государством Чингис-хана и его ближайших преемников. Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии обычно именуют Англией, идентифицируя ее согласно прежним историческим представлениям, и т.д. В силу этого вывод о том, что любой исторический субъект с неизбежностью идентификационно поливалентен, можно считать вполне правомерным.

ПРИМЕЧАНИЕ

- [1] Это выражение, восходящее к афинским тиранубийцам и древнеримским братьям Горациям, в позднейшее время получило распространение после знаменитой речи П. Генри, произнесенной в 1775 г. перед провинциальной Ассамблеей Вирджинии, которую тот именно им и закончил. Отметим также, что в 1879 г. внутри тайной русской организации «Земля и воля» была еще более тайная фракция «Свобода или смерть», большинство членов которой вошло в дальнейшем в Исполнительный комитет «Народной воли».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бурдые П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. — 2005. — № 2.
- [2] *Гасанов Г.* Русский в контексте немецкого // Отечественные записки. — 2005. — № 2.
- [3] *Гачев Г.* Национальные образы мира. — М., 1998.
- [4] *Глущенко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 12.
- [5] *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
- [6] *Дьячок М.Т.* Цыганский язык и глоттохронология // Дьячок М.Т., Шаповал В.В. *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timifeiev dedicata.* — М., 2002.
- [7] *Ельмслев Л.* Метод структурного анализа в лингвистике // *Acta linguistica.* — 1950—1951. — Vol. VI. — Copenhagen, 1951.
- [8] *Кастро Ф.* Экономический и социальный кризис мира. — М., 1983.
- [9] *Лосев А.Ф.* Аксиоматика языкового знака в плане его специфики // Лосев А.Ф. *Знак. Символ. Миф.* — М., 1982.
- [10] *Россия и Франция XVIII—XX века.* — М., 2003.
- [11] *Сажин В.И.* Иран и Движение неприсоединения // Институт Ближнего Востока // <http://iimes.ru/rus/stat/2006/03-10-06a.htm>
- [12] *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. — М., 1986.
- [13] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Звягинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. 1. — М., 1960.
- [14] *Тынянов Ю.Н.* Подпоручик Киже // Тынянов Ю.Н. Кюхля. Рассказы. — М., 1981.
- [15] *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960.
- [16] *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М., 1997.
- [17] *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления.* — М., 1993.
- [18] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004.
- [19] *Fustel de Coulanges N.D.* *L'Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, 6 tt. — P. 1875—1892.
- [20] *Starovolsci S.* *Polonia.* — Wolferbyti, 1656.
- [21] *Usborne D.* America's whites will become minority by 2042, says census bureau // *The Independent.* — 2008. — Friday, 15 August.

THE POLYVALENCY OF HISTORICAL SUBJECT'S IDENTITY

A.V. Shabaga

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The studies of historical subject's identity polyvalency phenomenon underlying the large social groups' identity retention have recently assumed specific importance due to the advancement of globalization process and the accompanying transformation of historical subjects' identity. The article offers the analysis of the problem of identification of historical subjects' identity construction determinants, the variability of which provides the basis for polyvalency.

Key words: historical subjects, identity.